УДК 297

Добаев И.П.,д. философ. н., проф.,Умаров Д.В., асп.

Векторы развития современной идеологической доктрины радикальных исламистов в мире и на Северном Кавказе

В статье представлены векторы эволюции современной идеологической доктрины радикальных исламистов в мире. Доказана исключительность внешнего влияния на развитие террористического движения на Северном Кавказе, в своей деятельности опирающегося на идеологические постулаты религиозно-политического экстремизма.

Ключевые слова: «Аль-Каида», братья-мусульмане, глобальный джихад, «Имарат Кавказ», исламизм, радикальный исламизм, Северный Кавказ, терроризм, экстремизм.

К экстремистскому крылу исламских радикалов относятся организации, группы, отдельные лидеры, которые в качестве основного метода достижения своих целей используют вооруженную борьбу, в том числе, и террористическую деятельность. Ведение пропаганды для них является вспомогательным средством, в основном, для привлечения в свои ряды новых сторонников. Наиболее известными теоретиками этого крыла исламистов выступают Сайид Кутб, Абд ас-Салям Фараг, Аббуд аз-Зумр, Тарик аз-Зумр, Айман аз-Завахири и др. Эти и другие теоретики радикального исламизма в своих работах опираются на труды авторитетных улемов мусульманского прошлого, среди них Ибн Ханбала, Ибн Таймийя, Ибн Кассир, Аль-Куртуби, ан-Навави, М. Ибн Абд аль-Ваххаб и др.

С. Кутб – теоретик и идеолог египетской ассоциации «Братья-мусульмане» в 50-60-е гг. XX в. – написал целую серию работ, в которых им развивались различные аспекты идеологии «исламского возрождения». Концепция С.Кутба делила общество на два типа: исламское общество, в котором признается власть одного Аллаха и действует шариат, и общество джахилийи (доисламского язычества), в котором люди сами творят законы и нарушают главный принцип единобожия – единовластие Аллаха (хакимийя). Согласно такому выводу, языческими является большинство современных обществ, в том числе те, которые считают себя исламскими, но не живут по шариату. Отрицание хакимийи, по сути, означает вероотступничество, ввергающее в неверие. Ислам и джахилийя – это абсолютно несовместимые системы, между которыми невозможно какое-либо мирное сосуществование или постепенная трансформация джахилийи в ислам. Восстановить власть Аллаха на земле можно лишь после того, как силой будет уничтожена джахилийя, и участие в этой борьбе есть обязанность каждого мусульманина.

Идеи Сайида Кутба развил Абд ас-Салям Фараг, который в конце 70-х гг. XX в. основал в Египте отпочковавшуюся от «Братьев-мусульман» ультрарадикальную группировку «Аль-Джихад», особенно активно действовавшую в последней четверти прошлого века и имевшую отношение к убийству президента Анвара Садата. Новизна взглядов А. Фарага в отличие от концепций Сайида Кутба заключалась в ярко выраженном салафитском характере. Следует подчеркнуть, что салафитское крыло в исламе неуклонно апеллирует к сакральным источникам мусульманства, прежде всего, к Корану и Сунне Пророка. Вместе с тем, не стоит забывать, что подобно другим священным книгам, Коран открыт для разных, порой противоположных друг другу интерпретаций. В нем содержатся призывы, как к любви, так и к ненависти и насилию, и было бы иллюзией пытаться однозначно толковать коранические тексты исключительно как проповедь мира. Тем более сегодня, когда целые исламские теологические школы и ведущие духовные авторитеты открыто проповедуют ненависть к «неверным», отвергают право на существование других религий и благословляют терроризм. Используя отдельные положения из Корана и других священных книг ислама (как, например, призыв «убивайте их там, где найдете, и вытаскивайте их отовсюду, где бы они не прятались»), исламские теологи оправдывают захват чужих земель, подчинение и убийство немусульман. Современные мусульманские школы провозглашают «всемирный джихад» против «неверных» и демонстрируют особенное презрение к евреям, которых они называют не иначе, как «потомками свиней и обезьян» [1].

До конца 80-х гг. книга А. Фарага «Аль-Фарида аль-гаиба» («Забытый долг») была практически основным идеологическим источником «Аль-Джихада». Идеи А. Фарага служат идеологической платформой деятельности большинства современных радикальных группировок. Так, он считал, что любой мусульманин, игнорирующий нормы шариата – «неверный, с ним нужно воевать, пока он не вернется к Суду Аллаха и его посланника и не перестанет судить ни в большом, ни в малом другим судом» [2].

Говоря о современных правителях Египта, А. Фараг утверждал, что они «не имеют от ислама ничего, кроме мусульманских имен», и причисляет их к отступникам (муртаддун). Отступник, отмечает он, хуже, чем «неверующий по рождению» (т.е. христианин, иудей и пр.), так как они могут не знать ислама, а отступник осознанно отрекается от веры, зная об ее добродетелях. Ссылаясь на мнение основателей-эпонимов суннитских мазхабов, А. Фараг пишет, что «неверующих по рождению» христиан и иудеев, которые являются общиной покровительствуемых, нельзя убивать. Отступника же разрешено казнить, «он не имеет права завещать свое

имущество кому-либо, его брак теряет юридическую законность, так как он отверг саму основу ислама, он хуже кафира» [3, с. 248-250].

Обвинив в безбожии правящий египетский режим, А.Фараг обосновал этим законность с религиозной точки зрения вооруженного джихада с властями [4, 3, 5]. В своей работе «Забытый долг» он пишет: «Сегодня, несмотря на всю важность джихада, от которого зависит будущее ислама, некоторые улемы пренебрегают этой обязанностью, зная, что это единственная дорога для того, чтобы вновь возвысить ислам… Без всяких сомнений, сегодня идолопоклонство на земле можно свергнуть только силой меча» [6].

По мнению А. Фарага, в то время как умма находится под властью неверного режима, исполнение только пяти столпов ислама становится недостаточным. В этих условиях джихад как вооруженная борьба автоматически становится шестым столпом ислама. Кроме того, джихад в концепции А. Фарага приобретает наступательный характер. По его мнению, «война в исламе ведется для утверждения слова Аллаха на земле как оборонительным образом, так и наступательным… Ислам распространялся мечом, однако безбожные имамы скрывают это… На мусульманах лежит обязанность поднять мечи и направить их на режимы, которые скрывают истину» [4, с. 84-85].

Общая стратегия джихада у А. Фарага определяется представлениями о «враге ближнем» (мусульмане, которые не разделяют идеологических воззрений и практику радикалов), «враге дальнем» (немусульманские противники радикалов, прежде всего, представители западнохристианской цивилизации) и о джихаде как об индивидуальной обязанности для каждого мусульманина. По мнению А. Фарага, джихад становится обязательным, в том числе, и в том случае, если правитель мусульманского государства отвергает руководство по шариату. Тогда такого правителя нужно свергнуть, и джихад становится индивидуальной обязанностью каждого мусульманина. На его ведение не нужно даже специального разрешения улемов, джихад становится такой же индивидуальной обязанностью, как пост и молитва [7].

В последующем на рубеже 80 – 90-х гг. XX в. новый лидер «Аль-Джихада» Аббуд аз-Зумр насытил идеологическую доктрину организации новыми концепциями. Помимо него, еще одним плодотворным автором движения выступил Тарик аз-Зумр. К концу 90-х гг. новые идеи выдвинул один из лидеров зарубежного руководства «Аль_Джихада» Айман аз-Завахири, главный идеолог «Аль-Каиды» и «Мирового фронта джихада», в июне 2011 г., после уничтожения Усамы бен-Ладена, ставший лидером «Аль-Каиды».

Особенности трактовки ими концепции джихада практически не отличаются от идей А.Фарага. Так, по мнению Аббуда аз-Зумра, джихад

есть фард айн – то есть индивидуальная обязанность каждого мусульманина, который должен участвовать в нем по мере своих сил и возможностей [8, с. 73]. Другой теоретик исламизма Тарик аз-Зумр считал, что высшее проявление из всех форм джихада – это вооруженная борьба. Он резко критиковал тех лидеров из числа исламских радикалов, которые ограничиваются только идейной борьбой [8, с. 147-148]. Более того, джихад в таком случае имеет наступательный характер, и необязательно, чтобы неверные инициировали нападение первыми, «достаточно, чтобы они всего лишь имели признаки тех людей, с которыми надлежит воевать» [9].

Следует также отметить, что «Аль-Джихад» отверг тактику постепенной «исламизации снизу». Такая стратегия основывается на изменении общества посредством осуществления исламского призыва. Однако «Аль-Джихад» считает, что общество трудно изменить, пока оно будет находиться под властью режима неверных, способного применять и использовать разнообразные методы, препятствующие мирной исламизации. По мнению идеологов организации, стратегия «исламизации снизу» демонстрирует свою ограниченность в деятельности «Братьев-мусульман» и салафитских джамаатов. Первые замыкаются рамками интеллигенции и отрываются от масс, вторые практически утратили чувство реальности. Более того, для «Аль-Джихада» неприемлемо какое-либо участие в парламентской деятельности: это означало бы признание того, что источником законов может быть не Аллах, а его творения – люди [4, с. 88-89].

В конце 80-х гг. Усама Бен-Ладен вместе с Айманом аз-Завахири создали «Аль-Каиду» в Афганистане, определив свою стратегию и ключевые цели на перспективу. Согласно салафитский идеологии, которую проповедует эта структура, главный удар должен быть направлен против режимов в мусульманских и, прежде всего, арабских странах. Эти режимы рассматриваются как искусственные, противоречащие исламским нормам, представляющие собой орудие Запада по контролю над мусульманским миром. Они были противны «букве и духу Корана» и препятствовали мусульманам в создании «подлинно мусульманского общества». Ближневосточные режимы, утверждали салафиты, были результатом колониальной политики западных держав, которые произвольно разделили арабский мир границами и создали марионеточные правительства. Это, в свою очередь, привело к национализму, взаимным конфликтам и возвышению светской идеологии, не имеющей никакого отношения к принципам подлинно исламского правления. Все это ослабляло арабский мир и не позволяло ему объединить свои силы против истинного врага, коим является западная цивилизация, утверждал влиятельный представитель и наставник Бен-Ладена палестинец Абдалла Азам [10].

Исходя из своего мировоззрения, «джихадисты» стремились свергнуть «искусственные марионеточные режимы» в Египте, Ливии,

Саудовской Аравии и других странах региона и создать на их месте единое исламское государство – халифат, основанный исключительно на предписаниях Корана и других священных арабских текстов. С момента создания «Аль-Каиды», ее региональные ответвления и родственные группировки прилагали отчаянные усилия для достижения цели, мобилизуя боевиков для «джихада», распространяя идеологию и осуществляя дерзкие вылазки, однако до последнего времени все попытки расшатать и свергнуть арабские режимы терпели фиаско.

Вместе с тем, в конце 90-х гг. уже упоминавшийся идеолог радикального исламизма Айман аз-Завахири выдвинул идею глобального джихада, в первую очередь, с «дальним врагом» – альянсом мирового куфра. Под ним он подразумевает, прежде всего, страны Запада, в первую очередь США и Израиль; теперь же в этот список попала и Россия, примкнувшая, по мнению исламистов, к этому союзу. А. аз-Завахири пишет: «Не следует считать, что борьба за создание исламского государства является региональной войной. Альянс крестоносцев и сионистов, возглавляемый США, не позволит мусульманским силам прийти к власти в какой-либо из мусульманских стран. Надо готовиться к тому, что эта борьба не ограничится рамками одного региона, она будет вестись как против внутреннего врага – вероотступников, так и против внешнего – альянса крестоносцев и сионистов» [10, с. 89]. По его мнению, джихад с «дальним врагом» нельзя откладывать, поскольку альянс евреев и крестоносцев не дает ни времени, ни шансов нанести поражение «внутреннему врагу». Поэтому А. аз-Завахири предложил перенести войну за пределы исламского мира на территорию врага. В частности, он высказывался за то, чтобы вывести успешный джихад за освобождение мусульман из пределов Афганистана и Чечни и перенести его с окраин исламского мира в его самое сердце [11, P. 84].

После терактов в Америке 11 сентября 2001 г. и начала антитеррористической операции А. аз-Завахири в своей новой книге «Аль-Валайя ва-ль-бараа» подчеркнул, что ныне каждый мусульманин должен руками, языком или хотя бы в помыслах оказывать противодействие оккупантам. В книге он обнародовал своеобразную фетву, в которой говорится о том, что мусульманину запрещено сближаться с кафирами, следует хранить в тайне любые секреты мусульман. Запрещено вести какие-либо дела с кафирами. Запрещено воспринимать какие-либо теории и идеи безбожников. Запрещено помогать кафирам в их войне с мусульманами и как-то оправдывать крестоносцев. Мусульманам предписано вести джихад с безбожными агрессорами, отступниками и лицемерами (под двумя последними подразумеваются арабские режимы, предоставившие свою территорию для антитеррористической кампании, а также улемы, издающие лживые фетвы, купленные властями) [4, с. 91-92].

В свою очередь, уничтоженный в июне 2006 г. в Ираке лидер местной ячейки «Аль-Каиды», иорданский террорист Абу Мусаба аз-Заркави в своей лекции, размещенной на многих сайтах [12], под заголовком «Вы больше знаете или Аллах?» заявил, что «джихад есть обязательная война против неверных». Термин «гражданское население», утверждал аз-Заркави, является «ложным», поскольку ислам не делит людей на гражданских и военных: он знает лишь разделение людей на мусульман и неверных. И если «кровь мусульманина запретна, чтобы он ни делал и где бы ни находился», то «кровь неверного дозволена, чтобы он ни делал и где бы ни находился, если с ним не заключен договор или он не был пощажен».

Аз-Заркави делит людей на три разряда: 1. мусульмане; 2. неверные, мирно относящиеся к исламу, т.е. вошедшие под покровительство (зимма) мусульман, заключившие с ними перемирие (худна) или пользующиеся предоставленной им пощадой (аман); 3. все прочие люди. Последних аз-Заркави объявляет «воюющей стороной»: шариат, напоминает он, лишает их защиты и дает мусульманам право убивать их, делая исключение лишь для отдельных категорий (в первую очередь, детей и женщин). На этом основании, считает аз-Заркави, «неверие в Аллаха – достаточное основание для убийства неверного, чтобы он ни делал и где бы ни находился».

Что касается современного Северного Кавказа, то, несомненно, на адептов северокавказского терроризма огромное влияние оказывали и продолжают оказывать ультрарадикальные идеи зарубежных исламистских радикалов, где путь вооруженного противодействия и диверсий – по версии радикалов – джихада, был началом и завершением всякой борьбы с «системой куфра» (неверия) и их «пособниками» из числа т.н. «отступников» («муртаддун») и «лицемеров» («мунафикун»). Под первыми понимаются этнические мусульмане, чаще всего, сотрудники силовых структур, поэтому против них и направлено, в первую очередь, острие терроризма; под вторыми – представители официального ислама.

Идеолог и практик ультра-радикального крыла дагестано-чеченской салафийи Багауддин Мухаммад выделяет три вида или типа взаимоотношений «кафиров» и мусульман. Первый тип – это Ахль аль-Зимми – «неверные», которые проживают среди мусульман и подчиняются исламскому порядку: то есть заключают договор, живут на договорных началах – отсюда зимма (с араб. «договор»). За обеспечение безопасности и условий для добычи пропитания зиммии – «договорники», платят подушный налог (джизью), который освобождает их от воинской повинности и позволяет пользоваться минимумом благ данного региона-государства. Второй тип взаимоотношения мусульман с немусульманами – это «муадис»: «неверные», находясь на своей территории, заключают некое подобие пакта о ненападении. «Третий тип кафира, – продолжает

Багауддин, – «харби», находящийся у тебя на земле и между нами военное положение. Тогда другое дело, если речь идет о тех русских войсках, находящихся на нашей земле; приехавших сюда, чтобы навязать свои порядки; охраняющих здесь законы московских правителей. Мы этих людей будем изгонять из нашей земли, и убивать на месте, и это до тех пор, пока они не уйдут с нашей земли, или же приняв ислам, не перейдут на нашу сторону – это для них самый лучший вариант. Я бы сказал всем этим русским войскам: пока для них не наступила смерть, пусть они полностью переходят на нашу сторону и если они, при этом, примут ислам, то они станут нашими братьями и будут жить среди нас, деля с нами горе и радость и мы будем их кормить тем же, что и сами едим. Они станут братьями и будут защищены нами, ибо они будут находиться под защитой Аллаха. Если же они этого не сделают, то пусть они отсюда убираются или мы их ИншаАллах, выгоним. Вот такое положение должно быть, когда речь идет о русских, именно выгонять и бороться с теми из них, кто пришел на нашу землю утверждать свои законы» [13].

В последующем на Северном Кавказе появились и другие идеологи радикального исламизма, среди которых можно назвать дагестанца Абузагира Мантаева, кабардинца Анзора Астемирова, принявшего ислам бурята Саида Бурятского и некоторых других. Характерно, что все они, будучи активными членами террористического бандподполья, были уничтожены в ходе боестолкновений с сотрудниками правоохранительных структур, не сумев вырасти в авторитетных идеологов даже регионального масштаба.

Тем не менее, вследствие и их усилий, современные чеченские войны, особенно вторая, привнесли в регион самые последние идеологические наработки зарубежных исламских экстремистов, стали кузницей наиболее идеологически подготовленных и непримиримо настроенных по отношению к России исламистов. Сепаратистски настроенные носители исламистской идеологии продолжают привлекать в свои ряды молодых боевиков практически во всех республиках Северного Кавказа. Например, в 90-е гг. начала оформляться идеология движения «молодых мусульман» в Кабардино-Балкарии, в основу которой была положена идея активизации и частичной модернизации исламской жизни в республике. Методами формирования этой идеологии стали организация системы исламского образования, пропаганда своих взглядов в общеобразовательных и спортивных школах; формирование контингента грамотных проповедников, способных произносить пятничные хутбы, во время которых подробно разъясняются основные постулаты идеологии современного исламизма и т.д. Ведущими распространителями идеологии радикального фундаментализма в республике стали выпускники саудовских исламских институтов

Мусса Мукожев и Анзор Астемиров, ставшие организаторами известных событий, имевших место 13-14 октября 2005 г. в Нальчике.

Например, бывший «кадий Имарата Кавказ, амир объединенного вилайята Кабарды, Балкарии и Карачая Сайфуллах» (он же – Анзор Астемиров) предоставил ответы на вопросы корреспондента одного из исламистских сайтов, из которых четко прослеживаются его идеологические приоритеты. В частности, он обвиняет северокавказских мусульман в язычестве, подчеркивая, что «в нашем обществе главной и доминирующей является такая форма язычества как служение России с ее конституцией и ее законами», отмечая далее, что «практикуются такие языческие обряды и ритуалы, как присяга на верность России (в армии, милиции, политических партиях и т.п.), клятва уважать конституцию при получении паспорта, возложение венков к могилам «героев России», которые убивали мусульман в Афганистане и на Кавказе и т.д. Также широко распространены такие языческие традиции, как участие в выборах депутатов парламента. Так что язычество это не только поклонение камням и деревьям. …Поэтому мы считаем своей первоочередной задачей борьбу против этой формы язычества, как самой опасной для общества…» [14]. Обвинив мусульман, прежде всего сотрудников правоохранительных органов, в такого рода «язычестве», «кадий Сайфуллах» практически дал санкцию на их убийства, тем более что, по его мнению, «…со временем, под влиянием российской пропаганды, большинство из них заняли твердую антиисламскую позицию» [14].

Таким образом, в ходе второй чеченской кампании, особенно со второй половины 2005 г. в экстремистском подполье, как активные участники террористических групп, появились молодые представители северокавказской мусульманской интеллигенции: студенты, аспиранты, ученые и т.д. Например, один из уничтоженных 9 октября 2005 г. в Махачкале боевиков т.н. джамаата «Шариат» - Абузагир Мантаев – в 2002 г. в Москве защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата политических наук на тему «Ваххабизм и политическая ситуация в Дагестане». Некоторое время он работал в Духовном управлении мусульман Европейской части России. В 2005 г. возвратился в Дагестан и влился в ряды террористов «Шариата». И таких примеров по республикам Северного Кавказа немало, среди идеологов и одновременно практиков «джихадизма» уже назывались М. Мукожев, А. Астемиров, С. Бурятский и др.

Однако после уничтожения этих и других «идеологов» северокавказского терроризма, наблюдается явный недостаток такого рода кадров в составе бандподполья, в этой связи ведется усиленный поиск новых фигурантов и одновременно наблюдается вынужденный переход на «идеологические суррогаты». Об этом, в частности, свидетельствует интервью некоего «амира Баксанского района вилайята КБК Имарата Кавказ» Ташу

Казбека. В своем многословии, далеком от доказательной базы салафитов, ссылающихся на сакральные источники мусульманства, этот «муджахед», безо всяких обиняков, ретранслирует пропагандистские клише безвременно ушедших из жизни сотоварищей: «…Наши враги совершают куда более гнусное преступление – они поклоняются идолам, которые наделили себя правом издавать законы, противоречащие Закону Аллаха! А обожествление кого-то или чего-то наряду с Аллахом – самый тяжкий грех. И главная причина, которая побудила нас взять в руки оружие – это защита религии от язычников и возвышение слова Аллаха. …Работа по уничтожению беппаевых и других подобных выродков будет проводиться планомерно и методично» [14].

Отсюда следует, что в последние годы в террористическом движении региона произошла смена поколений: в войну вступило новое поколение представителей северокавказских этносов, зараженное вирусом русофобии и сепаратизма, а потому более ожесточенное и дерзкое, нежели их предшественники. Определенная их часть готова к вооруженной борьбе с властями во всех ее формах. Однако следует согласиться с московским исламоведом Д.В. Макаровым, который еще в 2000-м г. сделал правильный вывод о том, что лидеры российского исламизма до сих пор пока еще «не создали ни одного оригинального произведения, которое позволило бы говорить о появлении…» у них «…собственной политической идеологии, соответствующей современным… реалиям. Общие рассуждения о необходимости введения шариата… не смогли компенсировать отсутствие социально-политической программы у этого движения…» [15, с. 48]. Этот вывод продолжает оставаться актуальным и по прошествии двенадцати лет.

Вместе с тем, не следует забывать, что в зарубежных средних и высших мусульманских учебных заведениях, в том числе и исламистского толка, продолжают учиться сотни, а может быть, и тысячи молодых северокавказцев. На родине их с нетерпением ждут те, кто делает ставку на дальнейшее развитие идеологической составляющей «джихада», и порой не без оснований.

Краткий обзор этапов и векторов развития современной идеологической доктрины радикальных исламистов в мире и, в частности, на Северном Кавказе со всей очевидностью свидетельствует о привнесенности на территорию регионов России практически всех идеологических постулатов радикального исламизма, об экзогенности идеологического фактора в деятельности северокавказского бандподполья.

Литература

1. Либлер Изи. Где найти умеренного исламиста? // Эхо (русскоязычная еженедельная газета, Израиль). 2011. 7 марта.

2. Малашенко А.В. Неприятие фундаментализма как его зеркальное отражение // НГ-религии. 1997. 25 дек.
3. Примаков Е.М. История одного сговора. М., 1981. С. 248-250.
4. Ражбадинов М.З. Радикальный исламизм в Египте. М., 2003. С. 84, 84-85, 88-89, 91-92.
5. Сейджман Марк. Сетевые структуры терроризма. М.: Идея-Пресс, 2008.
6. Voll J.O. Islam: Continuity and Change in the Modern World. Boulder, 1982. P. 354-355.
7. Ат-Тураби Х. Аль-Харака аль-исламийя фи ас-Судан (Исламское движение в Судане). б.м. б.г. С. 4-5.
8. Ерасов Б. Культура, религия и цивилизация на Востоке. М., 1990. С. 73, 147-148.
9. Ruthven M. Islam in the World. N.Y., Oxford, 1984. P. 308.
10. Лапин Я. «Аль-Каида»: провал или «окно возможностей»? // THE JERUSALEM POST. 2011. 10 марта; С. 89.
11. Enayat H. Modern Islamic Political Thought. Austin, 1982. P. 84.
12. См., например: http://www.short-link.de/2054.
13. Пятничная проповедь Б. Мухаммеда в исламском институте «Кавказ» // Аль-КАФ. 1998. № 6.
14. Личный архив автора.
15. Макаров Д.В. Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. М., 2000. С. 48.

УДК 323.17

Кузина С.И., д. полит .н., проф.,
Федан М.А., зам.декана по заочному обучению РЮИ РПА МЮ РФ

Этническая идентичность как фактор самокатегоризации групп в политической системе России

В статье рассматриваются проблемы поиска этнической идентичности в многонациональном российском обществе, обосновывается необходимость баланса соотношения толерантности и этнической идентичности.

Ключевые слова и словосочетания: этнос; этническая идентичность, самокатегоризация; толерантность; интолерантность; мультикультурализм.

Теория этнической идентичности как вида социальной идентичности получила первоначальное оформление в трудах Х.Тэджфела [1] как идея социального поведения, обусловленного взаимодействием людей на двух уровнях: на межличностном и как представителей определенных общностей. Разработчик теории группового поведения Дж.Тернер пришел к выводу о чисто когнитивной природе идентичности как процесса самокатегоризации личности [2]. Одним из постулатов его теории является возможность существования категоризации на трех разных уровнях, соот-